

В конце третьей главы дается общая характеристика грамматических категорий, которые в книге квалифицируются как основные. Это время и вид, наклонение, таксис, залог и каузатив.

В четвертой главе («Номинативный компонент языка») рассматриваются языковые единицы, «из которых непосредственно строятся синтагмы и высказывания» (с. 218). В первую очередь это единицы словаря (собственно слова, словоформы, фразеологизмы), в изолирующих языках — слогоморфемы, а в агглютинативных, видимо, и квазиаффиксы.

Задачами лексикологии, дисциплины, призванной изучать номинативный компонент языка, считаются: выделение всех классов и подклассов слов по их грамматическим признакам (задача, традиционно рассматриваемая как морфологическая. — Б. А.); выделение всех классов и подклассов слов по их семантическим признакам; интерпретация значения каждого слова путем толкования через специальный семантический язык; изучение и описание не-слов, входящих в словарь, и, видимо, фонология слова в словаре. Обсуждаются проблемы, возникающие при выделении частей речи в языках разного строя; рассматриваются некоторые классифицирующие категории внутри частей речи, в частности такие, как переходность / непереходность, предельность / непредельность глаголов и некоторые другие. К классифицирующим относятся и скрытые категории. Это классы слов, выделяемые на основе субституции (например, грамматический род в английском языке), по их валентным свойствам (активным и пассивным); а также «полускрытые» категории, т. е. слова, обладающие разными грамматическими парадигмами, но не различающиеся своими словарными формами, как, например, в английском языке.

Пятая глава («Речевая деятельность») начинается с обоснования, почему именно деятельностный аспект языка — несмот-

ря на то, что достаточно полное описание языковой системы по необходимости включает и правила «поведения» единиц языка, — можно признать автономным. Аргументируется такое решение тем, что «речевая деятельность осуществляется в широком контексте психической и социальной активности человека...» и что «для реальной речевой деятельности человека исключительно важны гибкость стратегий, эвристичность используемых процедур, а все эти аспекты не могут быть охвачены моделью языковой системы» (с. 237). Рассматриваются оба аспекта речевой деятельности — порождение и восприятие речи.

В Заключении характеризуется соотношение «языкового и неязыкового в ментальной жизни человека» (с. 272), еще раз подчеркивается необходимость рассматривать «язык, равно как и все в языке», с функциональной точки зрения, поскольку «важны функции, а не материал, форма и т. д.» (с. 273), а синтактика и прагматика — это функциональные характеристики, отражающие внутренние и внешние потенции знаков с точки зрения их использования.

В Предисловии В. Б. Касевич писал о двух своих задачах. Одна (теоретико-исследовательская) — попытаться синтезировать существующие в современной лингвистике концепции, вторая (теоретико-дидактическая) — вызвать у читателя желание «поразмышлять совместно над устройством и функционированием языка, над тем, на каких путях может быть достигнуто единство языкознания» (с. 4). Если первую, как представляется, автору все же не удалось решить в той степени, к какой он стремился, то помешала в этом некоторая перегруженность книги многообразными и в ряде случаев, пожалуй, не столь просто совместимыми концепциями. Вторую же свою задачу В. Б. Касевич, вне всякого сомнения, выполнил полностью.

Б. А. Абрамов

Долгополов Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Сов. писатель, 1988. 414 с.

Литература начала XX в. долгое время была непознанным материком, terra incognita с оазисами знакомых имен. За последние 10 лет положение изменилось: появились чрезвычайно интересные работы о творчестве Ф. Сологуба, А. Ремизова, А. Белого и мн. др. Особо следует отметить фундаментальное исследование «Петербург», принадлежащее перу Д. Е. Максимова.

Книга Л. К. Долгополова об Андрее Белом — итог многолетних исследований автора, итог обдуманый и взвешенный.

Ее содержание значительно шире заявленного в заглавии и оговоренного в предисловии. Сразу же уточнив, что автор не

ставит, да и не может ставить перед собой задачи обрисовать творчество Андрея Белого, как и его личность, в полном объеме. Л. К. Долгополов тем не менее существенно раздвигает границы изучения творчества писателя, отнюдь не замыкая их романом «Петербург». Об этом свидетельствуют уже сами названия отдельных глав: «Андрей Белый как художественная личность и явление эпохи», «Непонятый пророк» (Андрей Белый до «Петербурга»), «Петербург», «Поиски и находки (Андрей Белый после „Петербурга“»)). По сути дела речь идет о всестороннем изучении личности и творчества художника, вершинным достижен-